

русской литературы. Он неустанно подчеркивает заявленную уже в самом названии «Способа» новизну своей стихотворной системы. Новизна — это своего рода пароль Петровской эпохи, направленный против консервативных противников новой России.

С позиции официальной политики провозглашается отказ от традиций в пользу безоговорочной ориентации на Западную Европу.⁷⁹ Идеалу нового соответствует миф о начале русской истории литературы⁸⁰ (ср. известное представление об «отце русской поэзии»). Позднее Ломоносов в своем «Письме» между прочим скажет: «...наше стихотворство только лишь начинается»⁸¹ — для него это очевидно (той же мыслью проникнута и эпистола Сумарокова «О стихотворстве»).

Однако в «Способе» это все же лишь одна сторона медали. Автор находится на переходной стадии. Хотя он и выступает с позиции петровского радикализма, это не мешает ему в том же самом трактате продемонстрировать совсем иную позицию — ту, которая станет для него характерной позднее. С удивлением исследователи отмечают «стремление Тредиаковского всюду учитывать отечественную традицию, связать старое с новым».⁸² В действительности это не только русский фольклор, на который ссылается здесь Тредиаковский, но и русская силлабика. Уже с первых страниц «Способа» в изложении своей концепции он, нимало не смущаясь, утверждает, что новый стих должен основываться на принципе количества слогов, т. е. на принципе, унаследованном от силлабики. Ударный принцип силлабо-тонической системы имеет лишь второстепенное значение. Как становится понятным через несколько страниц, этот принцип можно и не слишком строго соблюдать — внутри стихотворной строки допускается в ограниченной степени смешение различных стоп. Впрочем, силлабо-тонический принцип обязателен,

⁷⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1977. № 414. С. 3—36. (Труды по русской и славянской филологии. Т. 28) Ср. также «Правду воли монаршей» Феофана Прокоповича. В конце Феофан полемически выступает против врагов петровских реформ: «На непривычное у них, дескать, только один ответ: "Дело новое"». См.: Прокопович Ф. Правда воли монаршей. М., 1726. С. 42. (А. Лентин любезно предоставил мне копию своего экземпляра). Подобное можно найти и у Сумарокова. В цитированном уже панегирике Петру I он также осуждает консервативных противников петровских реформ, выдвигая в качестве главных ценностей Петровской эпохи кроме «новости» известный уже нам «порядок»: «Новость и порядок, по рассуждению ослепленных стариною и праздностью людей, суть тяжкие грехи: вторая ересь <...> Все, что было ново, было ересь...» См.: Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Т. 2. С. 250.

⁸⁰ Klein J. Sumarokov und Voileau. S. 267—269. И. Рейфман связывает эти представления с мифическими представлениями о космогонии. См.: Reyfman J. Vasilii Trediakovsky.

⁸¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 13.

⁸² Adamczyk A. Grundfragen der russischen Versgeschichte. I. Trediakovskij und die Reform. Eine Erörterung über den «Novyj i kratkij sposob k složeniu rossijskich stichov». Diss. phil. Breslau, 1940. S. 28, 52. Ср.: Гаспаров М. Л. Ломоносов и Тредиаковский — два исторических типа новаторов стиха // Ломоносов и русская культура: Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова (28—29 ноября 1986 г.). Тарту, 1986. С. 27—28.